

Когда Энакин вошел в их спальню, он обнаружил Падме, свернувшуюся калачиком на ее любимом месте—мягком сиденье у окна, которое выходило на задний двор и на горный хребет на севере. По крайней мере, днем. Теперь она плотно задернула прозрачные светло-голубые занавески на окне и купалась в мягком сиянии лампы для чтения, которая отбрасывала ангельский свет на ее распущенные кудри, ее голова склонилась, когда она читала с планшета. Она подняла глаза, услышав, как открылась дверь, и спросила: “Все уложено?” - С легкой ухмылкой. Его единственным ответом было подтащить себя к их кровати, где он опустился на край с унылым и резким вздохом.

Она отложила в сторону планшет и, разогнув ноги, соскользнула со своего места, чтобы подойти к нему. Она уже была одета для сна в одну из своих красивых ночных рубашек, на этот раз атласно-коричневую, которая волнами ниспадала на ее босые ноги. - В чем дело?” - спросила она, остановившись прямо перед ним.

- Ничего, - сказал он, протягивая руку, чтобы притянуть ее ближе.

- Ничего, - насмешливо повторила она, обхватив его лицо руками. Но потом она посерьезнела и посмотрела ему в глаза. “С Асокой все в порядке?”

- Все в порядке, - заверил он ее, убирая ее руки и заключая в объятия, уткнувшись лицом в ее плечо, подальше от ее пристального взгляда, вдыхая безопасный, успокаивающий цветочный аромат ее любимого мыла. Она только что вернулась с освежителя и была чистой и хорошей. “Я устал,” пробормотал он. - Просто устал.”

- Энакин, будь честен со мной, - сказала она, и он почувствовал ее вздох, ее сердцебиение, то, как ее слова вибрировали в ее груди.

Он отстранился, посмотрел на нее, затем отпустил и поднялся на ноги. - Да, - сказал он, целуя ее в лоб, прежде чем скользнуть вокруг нее и направиться к освежителю. - Я усталый и грязный.”

Она скрестила руки на груди и нахмурилась, но ничего не сказала и не двинулась с места, чтобы помешать ему и дальше избегать ее вопросов. Он был рад: ему больше не хотелось разговаривать. Это был долгий день, долгий и тяжелый день, учитывая все обстоятельства. Прибытие Асоки, Аурра Синг, следовавшая за ней по пятам, а затем бесконечные разговоры, разговоры, разговоры. Он не думал, что сможет выдержать еще один разговор сегодня вечером. Особенно о чувствах, которые ему не доставляли особого удовольствия.

Вода из освежителя смыла грязь, пот и грязь после напряженного дня работы в его магазине, драк, убийств и избавления от тела.

Это была грязная задача. Это был первый раз, когда ему пришлось сделать что-то подобное, несмотря на множество жертв, которые он оставил для других, чтобы очистить. Он обнаружил, что это было очень неприятно. И как бы мало он ни заботился об Аурре Синг, это заставляло его думать о ней больше. Абсолютная обыденность происходящего запечатлелась в его памяти.

Тяжесть головы, шипение и плевки плоти, когда их световые мечи—его и Снипса—разрезали ее, прежде чем они засунули ее конечность за конечностью в его слишком маленький мусоросжигатель. В конце концов она мало чем отличалась от запасных частей дроидов... только влажнее.

Он поймал себя на том, что рассеянно смотрит на свою механическую руку, сгибая ее под струями теплой воды. Он выключил душ и вышел в освежитель, стряхивая капли с волос, потянувшись за полотенцем. Он умело избегал ловить свое отражение в зеркалах. Их было слишком много в этой комнате; средние и большие, длиной до пола, и маленькие бесполезные декоративные, которые разбивали его лицо среди матовых белых завитков.

Теперь он был чист, все следы прошедшего дня стерты, но внутри он был грязным. Глаза Асоки напомнили ему. Ее нахмуренные брови, ее взгляд, полный отвращения, когда она помогла ему заставить Синга исчезнуть... что не помешало ей смотреть на него с доверием и признательностью, когда она провожала его домой.

Выйдя в спальню, он увидел, что Падме заснула. По крайней мере, она лежала в постели, а в комнате было темно. Тем не менее, он чувствовал ее бодрствование, когда пробирался сквозь полумрак к своей стороне кровати.

Когда он скользнул под одеяло, она повернулась и безмолвно потянулась к нему. Он опустился на матрас и принял ее объятия, ее нежные, но настойчивые поцелуи, несколько мгновений просто лежал, пока она прижималась к нему. Было ясно, о чем она просит. Так Падме разговаривала с ним, когда он не давал ей нужных слов. Он знал.

Наконец он протянул руку и провел пальцами по ее волосам. Мягкие локоны рассыпались по ее плечам, кончики щекотали его кожу, и он откинул их назад, убирая с ее лица, которое было бледным и призрачным в ночи. Ее карие глаза, как темные озера, смотрели на него сверху вниз. Его обнаженная рука блестела в луче лунного света, пробивавшегося сквозь занавески любимого окна Падме.

Он закрыл глаза. Он поцеловал жену. Он вдохнул в нее жизнь, когда она оседлала его, теплая, влажная и живая. Он отогнал плохие мысли и притянул Падме ближе.

Было четыре отчетливых кошмара, от которых Энакин Скайуокер просыпался по ночам.

Иногда ему снилось, что он все еще в плену своей прежней жизни.

Он "просыпается", заключенный в свой костюм, глядя из-под маски, туманное красное видение, затуманенное темнотой по краям. Он снова Дарт Вейдер, у него слишком много воспоминаний о слишком многих жизнях, о том, как он жил однажды как Энакин, затем как Вейдер, затем снова как Энакин, и теперь он уверен, что только эта жизнь как Вейдер является правдой.

Он не может продолжать. Ненависть, ярость и ложь, которые когда-то питали его раньше, исчезли; у него не осталось ничего, что могло бы защитить его. Падме была жива, но она умерла во второй раз. Он борется с самим собой, он горит в жаркой тюрьме своей черной клетки и думает: Нет, нет, нет! Она была жива. Я вернулся. Я все исправил.

<http://tl.rulate.ru/book/23863/1442799>